

Индира Дол

Свет сквозь тень

Индира Дол

Свет сквозь тень

«Автор»

2026

Дол И.

Свет сквозь тень / И. Дол — «Автор», 2026

Я горжусь тем, что мне никогда не нужно было тушить чей-то свет, чтобы мой сиял ярче. Рассуждая о жизни, смотрела Люнетт на звёздное небо октября. Ещё вчера у Люнетт было всё, что определяло её статус и безопасность. Но в один миг привычный мир превратился в пепел. Оставшись без работы и средств к существованию, вынуждена развозить курьерские заказы, чтобы спасти свою дочь Иду от безжалостной реальности. Когда удушающая боль безысходности окончательно сковывает её на просёлочной дороге у самого подножия горы Аль-Тау, судьба сталкивает её с Марком — суровым егерем, но Люнетт привезла с собой не просто заказ, а ключ к древней тайне караванов Великого шёлкового пути — таинственный бордовый дневник с компасом ждет разгадки. Вместе с Марком и его преданным котом Барсом, священником Игорем и лесником Николя, Люнетт предстоит пройти сквозь дикие кавказские ущелья, разгадать старинные шифры водяных мельниц и скрыться от вооружённых чёрных копателей, дышащих в затылок в ночном тумане.

© Дол И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

СВЕТ СКВОЗЬ ТЕНЬ	6
СОДЕРЖАНИЕ	7
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Индира Дол

Свет сквозь тень

Индира Дол
автор

СВЕТ СКВОЗЬ ТЕНЬ

Остросюжетный приключенческий роман

Возрастной ценз: 12+

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ. Древний караван

ЧАСТЬ I. ТЕНЬ НАД АЛЬ-ТАУ

Глава 1. Точка излома

Глава 2. Кордон у Марка

Глава 3. Бордовый переплёт

ЧАСТЬ II. ЗОЛОТО ВЕКОВ

Глава 4. Следы древних караванов

Глава 5. Шифр водяной мельницы

Глава 6. Ночные огни ущелья

Глава 7. Под сенью древнего храма

Глава 8. Подземные тайны Алании

Глава 9. Византийский солид

Глава 10. Засада на плато

Глава 11. Справедливое возмездие

ЧАСТЬ III. ИСТИННОЕ СОКРОВИЩЕ

ЭПИЛОГ. Свет, победивший тень

ПРОЛОГ

Год 965 от Рождества Христова. Высокогорный перевал у подножия горы Аль-Тау.

Ледяной, пронзительный ветер с ледников с рёвом проносился сквозь узкие гранитные теснины, швыряя в лица людей колючую снежную крупу. Надвигалась мощная ночная буря, способная за считанные минуты похоронить под многометровыми завалами любого, кто рискнёт остаться на открытом плато. Грозная горная река внизу каньона бесновалась, ворочая на своём дне огромные валуны и оглушая ущелье перевозданным рёвом.

Караван византийских купцов, нагруженный сокровищами Великого шёлкового пути, медленно продвигался по узкой, обледелой бровке скального прижима. Лошади испуганно храпели, оскальзываясь на мокрых камнях. Но вёл их не страх, а твёрдая воля проводников — знатных аланских воинов-аристократов, которые веками держали эти перевалы и оберегали мирных торговцев от набегов разбойников. Закон чести и верность слову для этих людей были прочнее окружающих скал.

— Быстрее! — начальник стражи, знатный алан по имени Леон, прищипорил коня, всматриваясь в серую пелену тумана. — До створа Каменной Церкви осталось меньше версты! Если не успеем укрыть груз до темноты, буря заберёт и нас, и караван.

В левом приделе скалы, прямо над бушующим потоком, высились суровые и монументальные стены христианского храма, сложенные из блоков тёмного серого песчаника. Монахи-затворники уже распахнули тяжёлые дубовые ворота, окованные железом. Под священными сводами купцы спешно разгружали испуганных выючных животных. Огромные, окованные медью сундуки, доверху забитые золотой византийской чеканкой — тяжёлыми солидами с ликами императоров, свитки, униги — были бережно спущены в тайное, сокрытое глубоко под алтарём подземное хранилище.

Леон лично закрыл массивную гранитную плиту пола, на углах которой были выбиты лингвистические знаки. Он сделал последнюю запись в своём путевом дневнике из выделанной кожи, запечатав маршрут сложным весовым шифром, основанным на изломе алфавита. Аланский воин знал: эти богатства принадлежат истории, и горе тому преступнику, кто посмеет явиться сюда с алчными помыслами и грязным сердцем. Старцы шептались, что древнее золото

облюбуют горные духи — огненные джинны-стражи, готовые покарать любого за осквернение святыни.

Когда последняя свинцовая печать легла на замки, Леон вышел на порог храма. Шторм взвыл с новой силой, скрывая перевалы в кромешной тьме, а на скальной бровке, перекрывая рёв реки, раздался протяжный, леденящий душу волчий вой стаи ночных хищников. Но аланский воин смотрел в темноту спокойно. Честь была спасена, долг исполнен, а свет веры надёжно укрыт под сенью векового песчаника, готовый ждать своего часа сквозь тысячи лет грядущих теней.

ЧАСТЬ I. ТЕНЬ НАД АЛЬ-ТАУ

Глава 1. Точка излома

Жизнь ломает сильных, ставя их на колени, чтобы доказать, что они могут подняться. Слабых же она не трогает — они и так всю жизнь на коленях.

Рассуждая о жизни, смотрела Люнетт на звёздное небо октября 2025 года. Она стояла у открытого окна в пустой комнате своей квартиры. Город внизу медленно затихал в мерцании фальшивых огней, но здесь, на высоте, царило пронзительное, давящее одиночество. Люнетт смотрела выше — туда, где над тёмными силуэтами высоток раскинулся бездонный купол ночного неба, усыпанный холодными октябрьскими звёздами. В их далёком, равнодушном блеске не было ответов, только бесконечный покой. И эта тишина была именно тем, что ей сейчас требовалось, чтобы принять неизбежное решение.

Позади осталась целая жизнь, которая за последние месяцы окончательно потеряла смысл. Звание полковника, многолетняя почётная служба и глухая стена безразличия системы, которой она отдала свои лучшие годы. Люнетт отдавала всю себя защите чужих прав и законов, распутывала чужие дела и оберегала покой незнакомых людей. Но сейчас, глядя на этот огромный, холодный мегаполис, она с пугающей ясностью осознавала главное: она сама больше не чувствует себя защищённой. Все её бывшие заслуги, погоны, юридические знания и выслуга лет оказались бессильны перед лицом личного кризиса. Броня, которую она носила годами, дала трещину, оставив её уязвимой и беззащитной перед целым миром.

В этом городе её больше ничего не держало. Эта ночь в родных стенах была последней. Все прежние ориентиры были стерты. Люнетт приняла решение оставить квартиру, продать машину и обрубить все нити. Завтра на рассвете она просто закроет эту дверь и сделает свой главный шаг — уйдёт в никуда. Без чёткого плана, без адреса и конечной цели, просто прочь от прошлой жизни.

Люнетт пристально вглядывалась в созвездия. Жизнь сломала её привычный мир, лишила чувства безопасности и поставила на колени перед неизвестностью. Но здесь, один на один с ночным небом октября, она знала: сильные люди всегда находят в себе силы подняться. И это был её первый, решительный шаг сквозь тень — навстречу новому, пока ещё скрытому во тьме свету.

Люнетт подумала, что никогда не поздно, стать тем человеком, быть которым всегда мечтала...

В этот октябрьский вечер Люнетт понимала, что уйти в никуда на словах казалось почти поэтичным освобождением, но суровая реальность бытия слишком быстро прижала Люнетт к стене своей холодной, безжалостной хваткой. Середина октября принесла с собой не только пронзительные сырые туманы, но и полное, отрезвляющее осознание масштаба её личной катастрофы. Бывший главный юрисконсульт ведомства осталась без работы. Раз за разом прокручивался тот самый последний день в Управлении МВД. День, ставший точкой невозврата, когда фамилия Романов навсегда стала для неё синонимом абсолютного предательства системы. Пятнадцать лет безупречной, честной юридической службы. Пятнадцать лет жизни,

вычеркнутых из личного календаря. Люнетт давно забыла, что такое полноценные выходные, отпуск летом или спокойный вечер с дочерью Идой. Её обычный рабочий день начинался в семь утра и заканчивался далеко за полночь, когда в пустых коридорах ведомства гасили свет. Она работала на износ, вела сложнейшее правовое сопровождение дел, ночевала на неудобном кожаном диване в кабинете, глуша усталость литрами крепкого испанского кофе. Она искренне верила, что её преданность делу, её профессионализм и безупречные показатели — это и есть главный залог успеха и продвижения по службе. Но реальность оказалась циничной, грязной ловушкой, где честность приравнивалась к глупости, а взятки и подхалимство были единственной твёрдой валютой. Когда освободилась должность начальника юридического отдела — место, которое Люнетт заслужила каждым своим закрытым делом и каждой бессонной ночью, — назначение получил капитан Романов. Человек, который за три года службы не проявил себя ни в одном серьёзном правовом анализе, зато в совершенстве владел искусством лести. Артур Романов надоел всем своей беспринципностью: он был мастером плести интриги, вовремя подлизываться к начальству, организовывать дорогие банкеты и, как открыто шептались в кулуарах, регулярно заносить пухлые конверты со взятками в нужные кабинеты. Все премии, ведомственные награды и внеочередные звания из года в год уходили именно таким сотрудникам — тем, кто умел вовремя промолчать, закрыть глаза на должностные преступления коррупционеров и поделить «откатом». Честная, принципиальная Люнетт с её понятиями о долге казалась в этом змеином логове опасным элементом, которая трудилась на благо граждан, пока такие как Романов работали на собственное обогащение.

Последней каплей стал разговор в кабинете генерала, когда Люнетт принесла на подпись правовую экспертизу о коррупционных схемах при распределении городских строительных тендеров, в которых напрямую фигурировал Романов. Генерал даже не взглянул на собранные ею неопровержимые улики. Он медленно отодвинул папку в сторону, смерил её холодным, сытым взглядом и вальяжно произнёс:

— Знаешь, Люнетт, ты прекрасный юрист. Но слишком... неудобный. Твое дело трудиться и закрывать глаза когда нужно. У нас тут командная работа, понимаешь? А ты вечно лезешь со своей идеальной справедливостью туда, куда не просят. Романов вот всё понимает с полуслова и финансово поддержит. Короче, премию в этом квартале твой отдел не получит. И на повышение в ближайшие годы можешь не рассчитывать. Работай как работала. А рапорт этот... забудь. На сама порви. Полковник Люнетт стояла перед его массивным дубовым столом, чувствуя, как внутри неё с глухим, страшным треском рушится всё, во что она верила долгие пятнадцать лет. Она не стала спорить и писать жалобы, понимая, что ворон ворону глаз не выклюет. Люнетт просто молча положила на стол генерала свой служебный пропуск и заявление об увольнении по собственному желанию. Она вышла из здания Управления, не оборачиваясь. Ушла в никуда. Без выходного пособия, без связей, с огромным долгом по ипотеке и удушающим чувством абсолютной, экзистенциальной незащитности. Понимая, что системе нужно чтобы она работала пока другие получают повышения за интриги.

Пытаясь хоть как-то вынырнуть из этого затягивающего омута нищеты, Люнетт пошла на отчаянный шаг — купила с утра старую машину и устроилась работать обычным курьером. Женщина, которая ещё недавно руководила сложнейшими юридическими процессами, теперь была вынуждена разносить чужие безликие коробки. За лобовым стеклом старой иномарки уныло проплывали серые предгорные пейзажи, а в замкнутом салоне стояла тяжёлая, удушливая тишина. Люнетт рыдала, очищающими слёзами. Огромное чувство вины перед дочерью Идой выжигало всё внутри. Каждая картонная коробка курьерского груза на заднем сиденье казалась ей жестоким упрёком её новой, нищей жизни. Пытаясь справиться с удушающим спазмом в груди, она закрыла глаза, и её память мгновенно вернула её в ту последнюю ночь в пустой городской квартире. В комнату дочери Иды.

Иде было пятнадцать лет — самостоятельная и красивая девочка, которая из всех сил пыталась строить свою жизнь, несмотря на то, что её здоровье в детстве было сильно подорвано тяжёлой пневмонией. Люнетт тихо, без стука приоткрыла крашеную деревянную дверь. В комнате дочери пахло лавандовым мылом и старыми книгами. Ида сидела за письменным столом, тускло освещённым настольной лампой, и сосредоточенно перелистывала конспекты, готовясь к сдаче сложной учебной сессии.

— Мама? Ты почему не спишь? — Ида обернулась, и её голубые глаза, так похожие на глаза самой Люнетт, мгновенно уловили ту глубокую, леденящую тревогу, которую мать пыталась скрыть за привычной выправкой — На тебе лица нет. Опять из-за этого Романова и генерала переживаешь? Забуть о них, мам. Они не стоят твоего здоровья. Люнетт молча прошла вглубь комнаты, мягко опустилась на край её кровати и ласково провела ладонью по волосам дочери. Сердце матери разрывалось на части. Ей было невыносимо больно осознавать, что после пятнадцати лет каторжного юридического труда без выходных, она осталась без копейки денег, с огромными долгами и вынуждена завтра на рассвете навсегда закрыть эту дверь и уехать в полную неизвестность, устроившись курьером ради спасения семьи от нищеты. Она чувствовала себя полной, никчёмной неудачницей, неспособной дать своему ребёнку базовую защиту.

— Всё хорошо, Идуся... Просто пришла посмотреть на тебя, — тихо, стараясь удержать срывающийся голос, произнесла Люнетт. — Сессия — это важно, но ты должна беречь себя. Обещай мне, что будешь тепло одеваться, вовремя обедать и слушаться бабушку, пока меня не будет. Направление, куда я еду отвезти посылки, суровое, там горы, связь ловит плохо, так что не растранивайся, если телефон будет недоступен.

Ида резко встала из-за стола, подошла к матери и крепко, по-детски обняла её за шею, уткнувшись носом в её плечо. Девочка чувствовала, как дрожат плечи Люнетт, и эта внезапная слабость всегда сильной, негибкой матери напугала её сильнее любого шторма.

— Мамочка, я всё знаю... Я знаю, что ты отдала все свои сбережения, чтобы закрыть счета и часть долгов по квартире, — прошептала Ида, и её слёзы обожгли кожу Люнетт. — Я взрослая, я справлюсь. И бабушка присмотрит за мной. Ты только вернись. Вернись живой и целой из этой поездки. Нам не нужны никакие деньги мира, если с тобой что-то случится. Ты моя главная защита, понимаешь? Люнетт крепче прижала дочь к своему сердцу, беззвучно шепча слова молитвы, прося уберечь её девочку от любых жизненных бурь. Это прощание в полумраке городской комнаты стало той самой финальной точкой излома, которая окончательно выжгла её прошлое, но одновременно подарила ей ту дикую решимость идти до самого конца сквозь любую тень. Закрывая на рассвете дверь квартиры и поворачивая ключ в замке, Люнетт знала, что обязана выстоять — ради Иды, ради чести своей семьи и ради того чистого света, который уже ждал её на дальних тропах.

И сейчас, ведя руль старой иномарки на горном серпантине, Люнетт знала: назад дороги не будет. На горизонте, пробивая рваные грозовые тучи, уже возвышались вечные, ослепительно белые заснеженные пики горы Аль-Тау. Заказ на доставку посылки пролегающий по горному ущелью до города казался спасительной соломинкой из-за повышенного тарифа за дальность. Люнетт согласилась не раздумывая, чтобы заработать деньги.

Эта дорога длиной в сотни километров стала для неё настоящим испытанием. Чем ближе колёса старой иномарки подбирались к ущелью, тем сильнее разрывалась её душа. За лобовым стеклом проплывали серые пейзажи, а в салоне стояла удушливая тишина, которую нечем было заглушить. Боль от осознания собственного бессилия давила на плечи сильнее многотонных скал. Она, взрослый человек, офицер, оказалась неспособна просто обеспечить свою маленькую дочку, дать ей частичку тепла и уверенность в завтрашнем дне.

Люнетт вела машину, а по щекам непрерывно текли холодные, слёзы. Она почти не видела дорогу. Чувство вины выжигало всё изнутри.

Когда серпантин вывел её к ущелью, силы иссякли полностью. Боль — острая, физическая боль отчаяния — резко сцепила грудную клетку, не давая сделать даже вздох. Воздуха в салоне не хватало. Люнетт судорожно крутанула руль, съезжая с трассы на глухую, пустынную проселочную дорогу у самого подножия горы. Машина резко замерла, подняв облако пыли.

Люнетт заглушила мотор, уронила голову на руль и зарыдала в голос. Это были слёзы абсолютного бессилия. Скалы вокруг безмолвно возвышались в холодном октябрьском воздухе, а бывший полковник раз за разом шептала в пустоту одно и то же слово, которое теперь казалось ей приговором. Неудачница... Она искренне считала себя полной, никчемной неудачницей, сломавшейся под весом этой жизни.

Она плакала так долго и навзрыд, что не услышала, как к её машине бесшумно подошёл человек. Лишь глухой, уверенный стук в боковое стекло заставил её вздрогнуть и поднять заплаканное лицо.

За стеклом стоял высокий мужчина в камуфляжной куртке егеря. Его суровый, чисто военный взгляд бывшего полевого медика мгновенно считал её состояние. Марк не стал задавать лишних вопросов. Он просто открыл пассажирскую дверь, протянул ей старую армейскую флягу, от которой шёл густой пар с ароматом мелиссы и чабреца, и произнёс своим свинцово-твёрдым, командирским голосом:

— Пейте. Вы привезли сюда слишком много боли, а горы этого не любят. Сделайте глоток.

ГЛАВА 2. КОРДОН У МАРКА

Обжигающий отвар из мелиссы и чабреца медленно возвращал Люнетт к реальности. Спазм в груди начал отпускать, оставив после себя лишь изнуряющую усталость. Она сделала последний глоток и бережно вернула флягу мужчине.

— Спасибо, — её голос всё ещё звучал глухо, но в нём снова прорезались привычные строгие интонации. — Мне нужно ехать. В городе ждут посылку, я и так выбиваюсь из графика.

Люнетт повернула ключ в замке зажигания. Стартер старой иномарки отозвался натужным, сухим скрежетом, но двигатель даже не схватил. Она попробовала ещё раз, сильнее вдавив педаль газа. Под капотом что-то глухо стукнуло, из-под радиатора повалил тонкий шлейф сизого пара, и приборная панель окончательно погасла. Машина умерла.

Люнетт в отчаянии ударила ладонями по рулю. Ловушка затянулась. Без работы, без денег, а теперь ещё и без дряхлого автомобиля, который был её последней надеждой заработать на курьерской доставке. Октябрьский сырой воздух снаружи становился всё холоднее, а с вершин гор на ущелье стремительно спускался густой, непроглядный туман, переходящий в ледяной осенний ливень.

Мужчина, спокойно наблюдавший за её попытками реанимировать железо, молча вышел из своего внедорожника, поднял капот её машины и пару минут осматривал двигатель под струями дождя. Вернувшись, он опёрся ладонями об открытую пассажирскую дверь. С его камуфляжного капюшона стекали тяжёлые капли.

— Меня Марк зовут, — спокойно представился он, протягивая руку, чтобы помочь ей выйти. — Я здешний егерь. А вас как величать?

— Люнетт, — машинально ответила она, растерянно пожимая его крепкую ладонь.

— Что ж, Люнетт, у меня для вас плохие новости, — Марк нахмурился. — Ремень ГРМ оборвало. На месте это не починить, нужен эвакуатор из города. А до ближайшего посёлка пешком в такую погоду и по темноте вы не дойдёте. Накрывает сильный ливень, в тумане видимость нулевая. Так что варианты у вас простые: или сидеть здесь в холодной коробке с чужим грузом, или поехать со мной. Мой кордон лесничества в паре километров выше по склону. Переждёте непогоду, обсушитесь, а завтра я помогу найти мастеров. Я живу с племянницей Мариной. Угостим вас ужином.

Люнетт не хотела оставаться в лесу, но здравый смысл подсказывал — этот суровый егерь прав. Она была вынуждена согласиться. Забрав из салона документы и личные вещи, Люнетт пересела в его тяжёлый ведомственный внедорожник.

Дорога к кордону шла через темнеющий сосновый бор. Деревянный бревенчатый сруб вырос из тумана неожиданно, встретив их приветливым огоньком в маленьком окне. Как только Люнетт переступила порог, её окутало густое, спасительное тепло, пахнущее сухими травами, дровами и смолой. Она нерешительно замерла у двери, как вдруг из глубины комнаты послышалось глухое, предупреждающее шипение.

На спинке старого кожаного кресла, выгнув спину дугой, сидел огромный дымчато-серый кот. Его мощные лапы, разорванное в лесных драках ухо и горящие янтарные глаза выдавали в нём истинного хозяина этого места. Он смотрел на Люнетт с чистейшей подозрительностью.

— Спокойно, Барс, свои, — негромко, но твёрдо скомандовал Марк, вешая куртку на крючок. — Принимай гостью. Садитесь к огню, Люнетт, не бойтесь. Животное не обманешь, Барс плохих людей на порог не пускает.

Кот медленно опустил шерсть, прыгнул на пол и бесшумно приблизился. Люнетт осторожно опустилась на корточки и протянула ладонь. Барс повёл носом, уловил шлейф её бесконечной усталости, скрытой силы и той чистой любви к дочери, которая держала её на этом свете. Неожиданно для самого Марка, суровый горный кот тяжело боднул пушистой головой её руку и глухо, мощно замурлыкал. Самая главная проверка в этом доме была пройдена.

Пока Марк растапливал печь сильнее и ставил на огонь чайник, Люнетт достала телефон. Экран слабо светился в полумраке. Первым делом она набрала домашний номер.

— Мам, это я, — тихо произнесла она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я, доехала до гор. Но у меня тут форс-мажор... машина сломалась наглухо прямо у подножия. Не переживай, я в безопасности, местный лесник или егерь пустил переждать непогоду на кордоне. Передай Иде, что со мной всё хорошо, пусть спокойно учится. Как только решу с ремонтом — сразу назад домой.

Положив трубку, Люнетт сделала глубокий вдох и набрала номер шефа курьерской службы. Разговор получился коротким и безжалостным.

— Какая поломка? Какой туман?! — в трубке раздался раздражённый, злой крик начальника. — Меня твои проблемы не волнуют, Люнетт! Клиент ждёт посылку прямо сейчас. Не доставила вовремя — свободна. Нам безответственные сотрудники не нужны. Можешь даже не возвращаться, ты уволена!

В трубке пошли короткие гудки. Смартфон выпал из онемевших пальцев на деревянный стол. Последняя ниточка, дававшая хоть какую-то призрачную надежду на копеечный заработок, оборвалась. Денег нет, работы нет, машина сломана.

— Ну и зачем было так плакать на просёлочной дороге? — спокойно, без издёвки спросил Марк, присаживаясь напротив. — Из-за куска железа?

Люнетт подняла на него глаза, в которых снова блеснули слёзы, но скрывать что-то уже не имело смысла. Плотина рухнула.

— Я уволилась с прошлой работы, — глухо, прерывисто заговорила она, глядя на огонь в печи. — Просто выгорела дотла. Пятнадцать лет отдала службе, думала, что делаю что-то важное, а внутри осталась одна пустота. Ушла. А постоянную новую работу в городе найти так и не смогла. Кому нужен юрист с моим бэкграундом, когда вокруг кризис? Деньги кончились. Мне нечем обеспечивать семью, нечем платить за коммуналку... Купила эту развалюху на последние гроши, чтобы хоть курьером копейки развозить. А сейчас шеф уволил меня прямо по телефону за недоставленный груз. Я чувствую себя полной, никчёмной неудачницей. Я даже дочку родную прокормить не способна.

Она замолчала, судорожно вздохнув. Барс тихо заурчал, словно пытаясь утешить её, а Марк внимательно смотрел на неё своим строгим взглядом врача и офицера, в котором постепенно проступало глубокое, мужское уважение к её честности...

Внутри бревенчатого сруба Марка царила та особая, монументальная и надёжная атмосфера затерянного в горах мужского убежища, где каждый предмет имел своё строгое предназначение суровой жизни. Люнетт присела на широкую, грубо обтёсанную топором сосновую лавку у окна. Дерево под её ладонями было тёплым, шероховатым, со следами застывшей янтарной смолы, которая в тепле печи источала густой, дурманящий аромат хвойного леса.

Пространство сторожки было организовано с армейской чёткостью и спартанской простотой. В самом центре сруба высилась массивная, сложенная из тёмного огнеупорного кирпича печь-буржуйка. Её чугунная заслонка была приоткрыта, и сквозь резную решётку на бревенчатые стены и потемневший пол падали весёлые, пляшущие багровые отсветы. Внутри печи с приятным, глубоким гулом и сухим щёлканьем пожирались сухие берёзовые и сосновые поленья, отдавая комнате плотное, спасительное тепло, которое мгновенно растапливало леденящий октябрьский холод, принесённый Люнетт с дороги. В сторожку вошла молодая девушка, племянница Марка, сельская жительница села Мирное Марина. Марина поприветствовала Люнетт.

Марк скоро и ловко хозяйничал у пылающей печи. Когда пришло время накрывать на стол для Люнетт и своей девятнадцатилетней племянницы Марины, он не стал устраивать из этого церемонию и уж тем более не хранил старинную фамильную утварь за стеклом, как музейную ценность. Для него это были просто привычные, прочные вещи, которые исправно служили каждый день.

Егерь обыденным, привычным жестом достал из обычного навесного шкафчика глубокое, увесистое пиршественное блюдо, выполненное из кубачинского чёрного серебра. Его широкие борта были сплошь покрыты сложнейшим гравированным орнаментом — тончайшей вязью извивающихся стеблей и листьев, в которую ювелиры прошлых веков искусно вплели изображения скачущих туров. На серебре виднелись мелкие бытовые царапины, а местами, в глубоких пазах чеканки, залегла темная, вековая патина. Марк, не задумываясь об исторической ценности металла, с глухим стуком опустил блюдо на грубый сосновый стол и прямо в него выложил дымящиеся, сочные куски отварной баранины. С серебра на деревянную столешницу аппетитно закапал горячий мясной сок. Рядом с чеканным серебром Марина со всей своей девичьей скромностью и аккуратностью расставила три небольшие чашки из знаменитого дореволюционного кузнецовского фарфора. Эта посуда досталась Марку от деда-топографа, и её никто не берёг для особых случаев — из неё просто пили чай каждый день. Этот фарфор был настолько тонким и полупрозрачным, что сквозь его белизну на просвет были видны пляшущие языки печного пламени. По краям чашек шла блёкло-золотая, сильно потёртая от частого мытья кайма, а на донышке каждой из них синело едва заметное клеймо императорской фабрики. На одной из кружек был крошечный, старый скол, но это никого не смущало.

Марина бережно, со всей горской скромностью опустив свои красивые тёмные глаза, налила в эти хрупкие чаши обжигающий отвар из чабреца и лесной мяты. К напитку прилагалась ещё тёплая, пышная пшеничная лепёшка-хычин, которую Николя передал на кордон накануне — её румяная корочка была щедро смазана растопленным сливочным маслом и блестела в отсветах печи. Николя молодой человек, помощник егеря Марка. Жених Марины. Именно он заметив съехавшую на обочину машину Люнетт сообщил Марку по радиации, а сам далее проехал выполнять обязанности лесника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.